

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.647.8 + 316.75(520) + 323.13(=811.521) + 225.2

О. В. Язовская

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ (на примере Императорской Японии конца XIX — середины XX в.)

В статье анализируется понятие политического мифа, даются его основные характеристики, а также рассматриваются особенности его функционирования на примере государственного мифа о японской национальной сущности, выраженной в концепции кокутай, которая являлась основной государственной доктриной императорской Японии конца XIX — середины XX в. Особенности концепции как государственного мифа рассматриваются на материале мифологических сводов и документов государственного значения. Показано, что концепция кокутай представляет собой систему государственных мифов, обосновывающую посредством древней японской мифологии исключительность, превосходство нации, единства народа и власти, а также божественное происхождение императора как отца нации. Доказано, что благодаря концепции кокутай была сконструирована непрерывность и аутентичность мифологической традиции.

Ключевые слова: японская мифология, концепция кокутай, национальная сущность, синто, школа национальных наук, политический миф, государственный рескрипт об образовании.

В конце XIX — в первой половине XX в. в ряде государств с догоняющей модернизацией, переживающих резкий подъем экономики (например, Императорская Япония), мы сталкиваемся с теоретическими концепциями, направленными на повышение мотивации и увеличения работоспособности граждан. Эти концепции описывают специфическую национальную сущность народа, указывая на его исключительность и особую миссию. Концепции опираются на религиозно-мифологическую традицию прошлого народа и используются как обоснование государственности и существующего политического режима. На наш взгляд, эти концепции можно называть политическим мифом о национальной сущности.

Определение и основные характеристики политического мифа

Определением и характеристикой понятия *политический миф* занимались Э. Кассирер, Р. Барт, К. Флад и др. В данной статье мы рассматриваем понятие политического мифа в духе структурно-семиотического подхода и не затрагиваем взгляды З. Фрейда и Г. Юнга. Это позволяет взглянуть на политический миф с точки зрения его наследования архаическому мифу и обнаружить диахронические трансформации смыслов в мифологическом наследии.

Одним из первых к понятию «политический миф» обратился Э. Кассирер. Его интересовало то, как функционирует миф в тоталитарном государстве. В книге «Миф государства» он впервые дает подробную характеристику работы политических мифов [3, 58–69], которые он определяет как адаптированные для масс научно обоснованные идеи. В своем исследовании Э. Кассирер опирается на исследования мифов Б. Малиновского и говорит, что «миф достигает апогея, когда человек лицом к лицу сталкивается с неожиданной и опасной ситуацией» [Там же, 59]. Несмотря на смену организации общества, еще с первобытности сохраняется такой механизм, где, когда люди сталкиваются с задачей, решение которой превосходит их возможности, они обращаются к помощи магии.

В политике, согласно Э. Кассиреру, всегда случаются неожиданные повороты, и здесь рациональное уступает мифологическому, а желания коллектива персонифицируются в лице политического лидера. Политический миф в отличие от первобытного составляется согласно плану. Э. Кассирер полагает, что общество создало не только технику, которая производит блага цивилизации, но и технику умов, где техника умов основана на том же принципе, что и конструирование самолета.

«Ментальное ревооружение» на основе политических мифов идет в несколько этапов. Сначала идет смена функций языка, где магическая функция начинает доминировать над семантической, а затем слова подкрепляются ритуалами. Так в тоталитарном обществе, где отсутствует частная жизнь, все действия приобретают политическую окраску и наполняются ритуалами. Следование за группой и лишение индивидуальности и частной жизни избавляют от постоянного принятия решений и чувства личной ответственности, и свобода выбора начинает восприниматься как бремя, а следование политическому мифу как освобождение от нее.

Вопросом функционирования мифа в культуре XX в. занимался Р. Барт. В книге «Мифологии» он характеризует миф как слово, представляющее собой семиологическую или же знаковую систему. Миф строится на основе языка и связан с ним сообразно следующей схеме [1, 272]:

Язык {	1. Означающее	2. Означаемое	II. Означаемое или понятие
	3. Знак или смысл		
Миф {	I. Означающее или форма		
	III. Знак или значение		

Представленная схема расширяет теорию языка Ф. де Соссюра и вводит элемент знака. Миф опирается на знак, который для него становится означающим или формой, вбирающей в себя языковой знак, являющийся смыслом. Означаемым становится понятие, а знаком — значение. Тем самым о мифе можно говорить как о метаязыке, основанном на первичной языковой системе. Согласно Р. Барту миф ничего не скрывает, а деформирует смысл знака. Миф обладает ценностной природой и при этом включает в себя императивность. Значение мифа несет в себе мотивацию, констатацию и обладает свойствами внушения.

Одним из способов прочтения мифа является динамичное прочтение, где читатели переживают миф как правдивую и в то же время нереальную историю. В данном случае миф можно понимать как эмоционально окрашенную знаковую систему, которую читатель воспринимает не как систему ценностей, а как систему фактов.

Для индустриального общества миф представляет собой деполитизированное слово, т. е. совокупность человеческих отношений без ценностного контекста, где заданное значение констатируется как нечто естественное. Миф удаляет изменяющуюся реальность и указывает на вещи как на природно-вечные явления. Политичность вещи снимается, а историчность получает статус природной, специфика конкретного типа общества переходит в разряд универсального и вечного. Реальный мир, понимаемый как вечный и неизменный, становится численно измеримым, включая мораль и этику, которые можно устранить через операцию взвешивания.

Взаимосвязь политических и священных мифов рассматривает английский политолог Кристофер Флад. В книге «Политический миф. Теоретическое исследование» [14] он дает подробное определение политического мифа.

Священными К. Флад называет мифы первобытных и традиционных обществ, а к политическим относит мифы современного общества. Священный миф обладает объяснительной, познавательной, социально организующей, легитимизирующей функциями, функциями координации и объединения, а также задает представления о космосе, социальном строе, нормах поведения и прочее и представляет собой модель реальности в целом. При этом данный тип мифа зависит от социальных условий, поскольку в нем может утверждаться господство одной социальной группы над другой или объединение одной социальной группы против другой и т. п.

Политический миф, согласно К. Фладу, схож со священным по своей тематике: миф повествует о героях, основаниях общества и его изменениях, о конце мира и пр. Главное его отличие состоит в отсутствии сакрального статуса; его значимость состоит в том, что информация, переданная через форму политического мифа, является истинной для некоторой группы людей. К. Флад дает следующее определение политического мифа: «...идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятого социальной группой как верное в основных чертах» [Там же, 43]. Таким образом, политический миф, обладая схожими со священным мифом функциями,

больше не имеет сакрального статуса и является инструментом моделирования исторических образов в соответствии с целями авторов мифа.

Также к проблеме определения и статуса политического мифа обращается ряд российских ученых. М. В. Щеглик в своих статьях [17, 326–332; 18, 121–124] следует за концепцией политического мифа К. Флада и конкретизирует ее, а Е. Л. Яковлева основывает свой анализ политического мифа на концепции Э. Кассирера [20, 38–43]. Сравнением традиционного и политического мифов занимается А. А. Целыковский [15, 264–268; 16, 11–15], характеризующий политический миф как результат рациональной деятельности отдельных групп или людей, ключевой функцией которого, как и в традиционном мифе, остается функция смыслообразования, а также М. Г. Корн [7, 8], рассматривающая политический миф как преемника архаического.

В диссертации на тему «Миф в системе политической культуры» М. Г. Корн отмечает, что «политический миф сакрализует верховную власть, поворачивает время вспять, к архаике» [7, 15]. В мифе закрепляется память о сакрализации власти и политики, за которыми был закреплен божественный статус. По мнению М. Г. Корн, во всех типах мифов представлены ценностный характер повествования, мифологизирующая функция пространства и времени, модель мира желаемой действительности, нормы и правила поведения людей, цель и смысл существования общества, тотальный характер [8, 57–58]. И если священные мифы первобытных обществ задают общую картину мира в целом, то политические мифы описывают лишь некоторые аспекты культуры. Их основной темой является идеальное общество, и они направлены на превращение индивида в члена этого общества. Мифы чаще являются авторскими и конструируются с определенными целями, в данном случае политическими. Для достижения этих целей мифологизации подвергается история реальных людей и событий.

Представленные концепции позволяют нам сказать, что, несмотря на изменения в культуре и обществе, миф хоть и уступает свои позиции, но остается значимым элементом культуры. Суммируя выводы авторов, мы можем сказать, что политический миф охватывает следующий круг тем: представление об идеальном обществе и его задачах и целях; моральные нормы и правила, задающие образ идеального гражданина; включающую в себя временные и пространственные параметры модель мира; мифологизированные моменты истории, сакрализующие власть и государственность.

История формирования концепции кокутай

Опираясь на характеристики политического мифа, представленные выше, рассмотрим конструирование и специфику политического мифа на конкретном примере. Начиная с XIX в. мировое сообщество стало меняться: стали появляться государственные образования, объединенные по национальному признаку. Представление о нации основывалось на допущении о единстве истории, традициях, менталитете людей, населяющих одну территорию. Так, в Японской империи после восстановления императорской власти с середины

XIX в. шло укрепление новой государственности и модернизация культуры и общества. Для этого было необходимо сформулировать некую концепцию, позволяющую мобилизовать людей и направить их действия на благо государства. Такой концепцией стала концепция *кокутай*, или же концепция японской национальной сущности, которую, на наш взгляд, можно назвать политическим мифом.

Давая характеристику этой концепции, ведущие отечественные и зарубежные ученые в области японской культуры видят в ней представление о едином характере японского народа. Ведущие японские ученые совместно с немецкими исследователями определяют концепцию кокутай как основной политический принцип японской государственности и как выражение характера японского народа в целом [26, 97]. Если обратиться к авторским концепциям, то, например, видный немецкий ученый Клаус Антони также понимает под концепцией кокутай политический принцип, но в то же время видит в ней сущность японской нации [22].

Что касается отечественных ученых, то такие ведущие специалисты по японской истории и культуре, как А. Н. Мещеряков, В. Э. Молодяков, Г. Е. Комаровский, и характеризуют концепцию *кокутай* как основу японской государственности Императорской Японии. А. Н. Мещеряков считает, что благодаря концепции *кокутай* сложилось представление не только о единой японской традиции, но и о том, что такое быть японцем [9]. В. Э. Молодяков предлагает переводить слово *кокутай* не просто как национальную сущность, а как государственный организм, сутью которого является то, что «великой Японской империей правит непрерывная в веках династия императоров по повелению основателя государства» [13, 339]. Г. Е. Комаровский отмечает тесную взаимосвязь концепции *кокутай* и религиозно-этической традиции: культ предков соединяется с культом императора, а конфуцианская этика становится основой государственных взаимоотношений [6, 280].

Чтобы понять специфику концепции *кокутай* и определить, в какой степени она соответствует политическому мифу, рассмотрим историю ее формирования.

В основе концепции японской национальной сущности лежат древние мифологические своды «Кодзики» («Записи о делах древности» 712 г.) [5] и «Нихон сёки» («Анналы Японии» 720 г.) [12]. Древние мифы были упорядочены и представляли собой летописные своды, где история японского государства начиналась с эпохи богов, сотворивших небо, землю, страну Мрака, а также задавших определенный порядок вещей. Последним сюжетом эпохи богов является рождение первого японского императора, после чего мифологическая часть летописей переходит в историческую. Отсюда мы видим изначальную тесную связь японской истории и мифологии.

Сводь были составлены в период утверждения новой государственности в Древней Японии и служили опорой утвердившегося порядка. В первую очередь в сводах обосновывается власть императора как потомка верховной богини солнца Аматэрасу, а также статус ближайших к императору родов как потомков тех или иных богов пантеона. Эта система полностью исчерпывается содержанием *синто* — аутентичного религиозно-мифологического комплекса.

В последующее тысячелетие тексты сводов оставались неизменными, но после усиления буддийской традиции значение культов синто, включая мифологию, постепенно уходит на второй план. Поворотное переосмысление мифологии связано со школой национальных наук в эпоху Эдо (1600–1867). Среди влиятельных деятелей этой школы обычно называют четырех мудрецов: Кадо Адзумамамаро (1669–1736), Камо-но Мобути (1697–1769), Мотоори Норинага (1730–1801), Хирата Ацутанэ (1776–1843) [30, 44–53]. Идеи этой школы были связаны с возрождением национальной традиции, очищенной от влияния буддизма и конфуцианства посредством лингвистических и литературных методов анализа древних текстов. Наиболее интересное переосмысление текстов мифологических сводов предлагает Мотоори Норинага. Он не только перевел мифологический свод «Кодзики» на современный японский язык, но и сформулировал представление о специфическом пути Японии, обосновав его с помощью примеров и ссылок на древнюю японскую мифологию. Один из ведущих японских специалистов по религии синто Ямагути Сатоси указывает на то, что в концепции Мотоори Норинага утверждается, что «...Япония была наиболее превосходной нацией в мире из-за верховенства Аматаэрасу-оомиками и ее потомка императора...» [Там же, 48].

Согласно исследованию Клауса Антони, развитие национальной концепции *кокутай* непосредственно связано со школой национальных наук и позицией Мотоори Норинага. Как указывает К. Антони, задачей Мотоори Норинага было очистить японские мифологические предания от более поздних наслоений, в особенности китайского влияния, оставившего глубокий след в японской духовной культуре. Китайские идеи и принципы отвергались в силу их обоснованности посредством человеческих представлений, а значит, имеющих свои границы. Следовательно, им недоступно истинное положение вещей. По мнению Норинага, только японские предания смогли сохранить и передать фактические события эпохи богов [10].

Подробно традицию основных деятелей школы национальных наук рассматривает российский ученый А. А. Накорческий в статье «Синто в эпоху Токугава» [11], где он характеризует различные учения и реформы синто данного периода. Он указывает на тесную связность синтоистской и конфуцианской традиций. И если исследователи школы национальных наук стремились очистить учение синто от религиозного влияния буддизма и конфуцианства, то в дальнейшем школа княжества Мито и Хирата Ацутанэ, а также ряд других более поздних деятелей школы национальных наук заполняли пробелы в формировавшемся учении синто конфуцианскими идеями о долге, государственной иерархии и пр. Эти идеи в дальнейшем лягут в основу концепции *кокутай* как исконно японские.

Клаус Антони выделяет школу Мито как отдельную традицию, благодаря усилиям которой складывается канон концепции *кокутай*. Деятели школы не стремятся очистить японскую духовную традицию от внешних влияний, а дополняют ее идеями конфуцианства: основные первоначальные китайские этические категории пиетета и общественной лояльности преобразуются в чисто японские добродетели. Клаус Антони указывает на то, что «в основе божес-

ственного происхождения императора и народа, принятого как факт в государственном синто, лежат божественные добродетели имманентного компонента японской нации» [21, 42]. Таким образом, обосновывается, что этический идеал присущ японской нации изначально и, следовательно, обязателен к выполнению. Эти этические идеалы и моральные нормы лягут в основу концепции кокутай.

Государственный миф о японской национальной сущности

Концепция национальной сущности *кокутай* представлена в ряде государственных документов и официальных источниках, начиная с периода модернизации Японии в эпоху Мэйдзи (1867–1912). Структурирование и более детальное разъяснение концепции было предпринято уже в эпоху Тайсё (1912–1926) и первую половину эпохи Сёва (1926–1945). Идеи концепции частично представлены в речи императора от 1868 г., конституции Мэйдзи 1889 г., но наиболее полно концепция описана в положениях государственного рескрипта об образовании 1890 г. [29, 3–11], а ее подробное разъяснение представлено в брошюре Министерства образования Японии «Кокутай-но хонги» («Основные принципы кокутай») от 1937 г. [13, 28].

Государственный рескрипт об образовании представлял собой небольшой по объему текст, посвященный облику японских подданных и их взаимоотношений с императором. Добродетели подданных близки традиционным конфуцианским представлениям об обществе, где сыновья почтительность и фамилизм¹ становятся основополагающими правилами структуриации. Нравственный идеал подданных задан четырьмя типами взаимоотношений в обществе: поведение в семье, репрезентация себя в обществе, отношение к себе и государству. Во всех типах взаимоотношений подчеркиваются умеренность, доброжелательность, следование общим интересам, уважение установленных законов. В конце рескрипта подчеркивается тот факт, что представленный порядок поведения идет из глубины веков и является исконной традицией прошлых поколений [19].

Если рескрипт только декларирует общие положения о моральном облике японских подданных, то текст комментариев к рескрипту «Кокутай-но хонги» представляет собой подробное обоснование положений концепции *кокутай*. Более ранние версии текста были авторскими комментариями, к примеру обоснования Макото Фукумото [25], позднее текст был издан от лица Министерства образования Японии как официальная государственная позиция относительно концепции кокутай.

Окончательный вариант текста «Кокутай-но хонги», а также официальная государственная позиция по поводу национальной сущности были сформулированы в ходе дискуссии в Министерстве просвещения в 1934 г. [9, 251]. Как указывает А. Н. Мещеряков, на тот период времени существовала *концепция*

¹ Фамилизм является мифом о большой семье, семье-государстве, лежащим в основе тоталитарных режимов [4, 102–122].

государства как тела, что, в сущности, является дословным переводом иероглифов, которыми записывается слово *кокутай*². Такой научно-биологический подход не включал в себя эмоциональную составляющую во взаимоотношения правителя и подданных. В этой связи и было принято решение издать специальную пояснительную брошюру, правильно раскрывающую особенности национальной сущности.

Текст «Кокутай-но хонги» характеризует позицию государства в отношении императора и власти, а также призывает сохранять национальную, исконную составляющую японской культуры, которая представлена в виде концепции *кокутай*. Целью данного комментария было представить традицию японской национальной сущности как наиболее древнюю, родившуюся еще в эпоху Богов, когда создавался мир и был задан начальный порядок государственности. Поскольку национальная сущность идет от богов то, значит, она не требует преобразования, а нуждается лишь в сохранении и поддержании. Для обоснования этой позиции в тексте представлены частые ссылки на древние мифологические своды «Кодзики» и «Нихон сёки», а также на первую антологию стихов «Манъёсю». В качестве дальнейшего обоснования концепции приводятся идеи и цитаты ученых национальной школы, таких как Мотоори Норинага, также приводятся стихи императора Мэйдзи, цитаты из его указов и первой конституции Японии. Согласно А. Н. Мещерякову такое подробное обоснование концепции со ссылками на государственные законы, древнюю традицию мифов, а также видных ученых прошлого должно было показать читателям, что *автором текста является само государство*. Помимо всего прочего брошюра была выпущена за авторством Министерства просвещения, что подчеркивает ее официальный статус, а также указывает на общезначимость для всех подданных японской империи.

Канадский ученый Джон С. Бронли, характеризуя текст «Кокутай-но хонги», указывает на религиозно-метафизический характер повествования. Концепция *кокутай* обосновывается с помощью ссылок на древние мифологические своды точно так же, как если бы речь шла о религиозном манифесте со ссылками на Библию. Джон С. Бронли подчеркивает, что этот текст был составлен по государственному заказу и имел конкретную цель: «его влияние (Кокутай-но хонги. — Я. О.) имело важное значение в помощи по побуждению японской нации к наибольшим усилиям во Второй мировой войне и укреплению веры японского народа, их лидера и их императора в истину и значимость *кокутай*» [24].

Довольно интересное научное мнение о концепции *кокутай* представил немецкий ученый Клаус Антони. Вопрос о японской национальной сущности

² *Кокутай* записывается на японском языке двумя иероглифами — «коку» 国 (страна) и «тай», 体 (тело). Словообразование близко к понятию «синтай», тело божества, где «син», 神 — божество, а «тай», 体 — тело. Синтай — священный предмет, обозначающий божество и хранящийся в сакральной части синтоистского храма. Так, в святилище Исэ священным предметом является зеркало, которое, согласно мифам «Кодзики», богиня солнца Аматэрасу передала своему внуку Ниниги в качестве одной из регалий императорской власти [30, 88–90].

он разбирает в статье «Миф и идеология» [21], где сравнивает взаимоотношения мифа и идеологии на примере национал-социалистической Германии 1930–1940-х гг. и концепции *кокутай* Императорской Японии начиная с эпохи Эдо. В этой статье сделана попытка определить основу концепции *кокутай*.

Прежде всего, К. Антони характеризует то, как воспринимали японцев в Германии в период 1930–1940-х гг. В качестве источника взяты тексты «Донесений из империи» [23], которые составлялись службой безопасности СС в 1938–1945 гг. В донесениях были записаны настроения, слухи, бытовавшие в немецкой общественности. Среди прочего в текстах донесений были записаны мнения по поводу японцев, которых называли «немцами в квадрате». С точки зрения К. Антони, подобная формулировка характеризовала японцев как нацию, достигшую немецкого идеала, понимавшегося как *непрерывная мифологическая традиция, задающая целостность и единство нации*.

При рассмотрении основных положений концепции *кокутай* К. Антони обнаруживает, что изначально японская национальная сущность базируется на следующих положениях: милитаристское основание, которое было сформулировано в концепции бусидо, и народно-национальное основание, непосредственно связанное с понятием национальной сущности. С периода реставрации Мэйдзи в связи с падением самурайского сословия милитаристское основание в духе бусидо теряет свое значение и концепция *кокутай* становится постулатом *абсолютного единства народа и императора, воспринимаемого в качестве отца нации*. И именно в этом ключе концепция обосновывается с помощью мифологической традиции сводов «Кодзики» и «Нихон сёки».

Другой немецкий исследователь, Кристоф Кляйне, в статье «Религия на службе этико-национальных конструкций идентичности» [27] также затрагивает вопрос о концепции японской национальной сущности *кокутай*, но уже с позиции трансформации религиозной традиции в Японии, а именно установления доктрины государственного синто.

К. Кляйне отталкивается от директивы 15 декабря 1945 г. «Упразднение государственного содействия, поддержки, сохранения, контроля и распространения государственного синто» [2], где синто впервые однозначно представлен в виде милитаристской и ультра националистской пропаганды.

К. Кляйне указывает на то, что религиозно окрашенная доктрина, которую пропагандировал государственный синто, была представлена в Японии, начиная с эпохи Мэйдзи, как некий миф о стране богов с императором во главе, где движущей силой выступало представление о национальной сущности *кокутай*. К. Кляйне определяет само слово *кокутай* следующим образом: «Кокутай является внешне единым понятием, которое я перевожу в дальнейшем для ясности последующего “Национальной сущностью”» [27, 9].

Обращаясь к истории формирования концепции *кокутай*, К. Кляйне дает характеристику деятельности школы национальных наук и школы Мито. Наследием первой школы является постулат о божественности Японии как страны, которой правит потомок богини солнца Аматэрасу. А вторая школа привнесла в концепцию *кокутай* конфуцианские представления о добродетели и социальной иерархии. В дальнейшем взаимосвязь религии и политики

нашла свое выражение в период модернизации и становления очищенной культуры, где *синто* начинает играть роль *внерелигиозного государственного культа*. В качестве доминирующей концепция кокутай получила признание в начале XX в. Кристоф Кляйне характеризует ее следующим образом: «*идея национальной сущности как семейного государства*» [27, 13].

Как было показано выше, концепция *кокутай* охватывает широкий набор тем и скорее представляет собой систему политических мифов или же государственную мифологию Императорской Японии конца XIX — середины XX в. В концепции кокутай охвачены все темы, которые характерны для политических мифов: представления об идеальном обществе и его миссии; моральные нормы идеального гражданина; модель мира, заданная сакральными точками времени и пространства; мифологизированные исторические события и персоналии.

Мы можем говорить отдельно о мифе о непрерывной династии императоров как прямых потомков богини солнца Аматэрасу и отдельно о мифе, характеризующем Японию как страну богов или же страну, идущую по пути, заданному богами. Также в качестве отдельного мифа можно выделить миф об императоре Мэйдзи, вернувшего японскую империю на путь богов, а также миф о первом императоре Дзимму, объединившем нацию.

Таким образом, концепция *кокутай* может быть представлена как государственная мифология императорской Японии, описывающая специфическую национальную сущность японского народа, которая основывается на власти династии божественных императоров, а также на миссии японского народа указывать другим странам истинный путь исторического развития. При этом следование этому особому пути базируется на конфуцианских добродетелях лояльности и сыновней почтительности, которые расширены до масштабов государства, образующего единую семью с императором как отцом нации.

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М., 2008.

2. Директива синто от 15 декабря 1945 (SCAPIN-448) [Электронный ресурс]. URL: <http://eos.kokugakuin.ac.jp/modules/xwords/entry.php?entryID=1109>

3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7 : Философия. 1990. № 2.

4. Кларк К. Советский роман: история как ритуал : пер. с англ. / под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург, 2002.

5. Кодзики — Записи о делах древности : пер. с яп. / коммент. Е. М. Пинус. СПб., 1993.

6. Комаровский Г. Е. Государственный синто // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. Т. 1 : Очерки по истории синто. СПб., 2002.

7. Корн М. Г. Миф в системе политической культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Моск. гос. ун-т культуры и искусства. М., 2008.

8. Корн М. Г. Миф в системе политической культуры : дис. канд. филос. наук / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М., 2008.

9. Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009.
10. Мотоори Норинага. Душа бога наоби / пер. с яп. Л. Б. Кареловой // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. Т. 2 : Тексты синто. СПб., 2002.
11. Накорческий А. А. Синто в эпоху Токугава // Там же. Т. 1 : Очерки по истории синто.
12. Нихон сёки. Анналы Японии : в 2 т. / пер. с яп. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. 1 : Свитки I–XVI. СПб., 1997.
13. Основные принципы кокутай / пер. с яп. В. Э. Молодякова // Синто — путь японских богов. Т. 2 : Тексты синто.
14. Флад К. Политический миф: Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М., 2004.
15. Цельковский А. А. Миф традиционный и современный: единство и различие // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 6.
16. Цельковский А. А. Современный миф как результат взаимодействия традиционной мифологии и идеологии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 3 (245). Философия. Социология. Культурология. Вып. 22.
17. Щеглик М. В. Концептуальная интерпретация природы политического мифа как формы священной мифологии // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 6а.
18. Щеглик М. В. Концептуальная интерпретация природы политического мифа в теории Кристофера Флада // Изв. Томск. политехн. ун-та. 2008. Т. 312, № 6.
19. Язовская О. В. Императорский рескрипт об образовании как основа реформирования национальной идеи Японии конца XIX — начала XX в. // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации : материалы Всерос. науч. конф., 16–17 нояб. 2010 г. Великий Новгород, 2010.
20. Яковлева Е. Л. Технология политического мифотворчества // Вестн. Приволж. акад. гос. службы. 2011. № 4.
21. Antoni Klaus. Mythos und Ideologie im nationalsozialistischen Deutschland und im kaiserlichen Japan der frühen Shōwa-Zeit // Referate des VII. Deutschen Japanologentages in Hamburg. MOAG. Bd. 111. Hamburg, 1988.
22. Antoni Klaus. Shinto und die Konzeption des japanischen Nationalwesens (kokutai). Der religiöse Traditionalismus in Neuzeit und Moderne Japans. Handbuch der Orientalistik 5. Leiden, 1998.
23. Boberach Heinz (Hrg.) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS 1938–1945. Vollständige Texte aus dem Bestand des Bundesarchivs Koblenz. 17 Bd. Herrsching, 1984.
24. Brownlee John S. Four stages of the japanese Kokutai [national essence] // Japan Studies Association of Canada. Vancouver, 2000. URL: <http://www.iar.ubc.ca/centres/cjr/seminars/semi2000/jsac2000/brownlee.pdf>
25. Fukumoto Makoto. Kokutai-no hongi. Tokyo, 1911. 福本誠著. 國体の本義. 東京, 1911.
26. Hettling Manfred, Scholz Tino, Kawakita Atsuko. Distance and continuity: coming to term with the past in Germany and Japan after 1945 [in Japanese] // European studies. № 6. 2007-03.
27. Kleine Christoph. Religion im Dienste einer ethnesch-nationalen Identitätskonstruktion: Erörtert am Beispiel der “Deutschen Christen” und des japanischen Shinto // Marburg Journal of Religion: Vol. 7, № 1 (Sept. 2002) URL: <http://archiv.ub.uni-marburg.de/mjr/kleine.html>.
28. Monbushō-cho. Kokutai-no hongi. Tokyo, 1937. 部省著. 國体の本義. 東京, 1936.
29. Shiryō Kyōiku Chokugo: Kanpatsuji oyobi Kanren Shoshiryō / edited by Katayama Seiichi. Tokyo, 1974. 資料・教育勅語・渙発時および関連諸資料 / 片山清一編. 東京, 1974.
30. Yamaguchi Satoshi. English-Japanese Shinto from an International Perspective. Tokyo, 2012.